

эпохи Просвещения в Беларуси и Литве. Минск, 1971. С. 128; Chmielowski, P. Liberalizm i obskurantyzm na Litwie i Rusi (1815-1823). Warszawa, 1898.

Логовая Е.С., Булыго Е.К. Ментально-психическая мотивация поведения в системе государственного управления

В современной философско-культурологической литературе нынешнее состояние общества осмысливается через предикаты «культура молодых», «цивилизация, утратившая стыд», «культура с повышенной энтропией», «культура с противоречивой семантикой» и т.д. Привычными, ставшими почти аксиоматичными, являются в то же время ее определения в качестве полицентричной и диалогичной. В таком культурном пространстве информационно-техническая модернизация и ориентация на инновационную деятельность существенно опережают адаптационно-психологические возможности человека. Возникший дисбаланс проявляется, с одной стороны, в стремительном взлете психологии selfmadeness, дающей старт головокружительным карьерам и максимальной социальной реализованности, с другой, в таких явлениях, как децентрализация личности, рост деструктивного и девиантного поведения, маргинализация сознания, свидетельствующих об экзистенциальном кризисе. Какова же социальная и психологическая мотивация, предопределяющая позицию личности в современных стремительно меняющихся правилах социальной игры (и какая личность сегодня востребована)?

Психическая адаптация личности к ускоряющейся социальной динамике предполагает, в первую очередь, эффективный поведенческий алгоритм, позволяющий, с одной стороны, сохранить целостную структуру личности, с другой, - создать продуктивные механизмы адаптации и актуализации психофизиологического потенциала личности в ментальном поле современной культуры. Рассмотрение психической культуры в качестве интегративного фактора, позволяющего выстроить разладившийся механизм коммуникации между индивидом и обществом, обусловлено тем, что психическая культура индивида не есть сугубо индивидуальное явление, это интегральное образование, включающее в себя как индивидуально-личностные

компоненты, так и социально-культурные факторы. Следовательно, необходимо иметь в виду, что сущностью психической культуры является приведение в соответствие приобретенного социокультурного опыта человека его индивидуальной природе, а также встраивание самого индивида в социальное целое. Игнорирование этого важнейшего атрибута психической культуры как феномена, отсутствие столь необходимого соответствия с неизбежностью приводят к разнообразным конфликтам и противоречиям, как на уровне отдельной личности, так и общества в целом.

Пожалуй, исторически первый продуктивный вариант подобного механизма психической адаптации был выработан культурой древнего Китая. Временная удаленность философии Конфуция от проблем современного общества не может служить убедительной причиной для отказа от попытки если не применить, то хотя бы понять сущность конфуцианской модели параллелизма личностного и политико-государственного регулирования. Постулируемое конфуцианством в качестве сверхзадачи достижение гармонии и, как следствие, понижение энтропии, как на микрокосмическом, так и на макрокосмическом уровне все еще осознается интеллектуальной элитой человечества как основная задача XXI века. Этот духовный опыт тем более интересен, что изначально исходит из особого принципа, который в китайской традиции именуется принципом «Великого Предела». Данный принцип предполагает признание одновременной взаимоположенности и взаимопроникновения противоположностей, что позволяет в кажущейся хаотичности узреть порядок, а видимом порядке постичь сокрытый хаос (что во многом созвучно современной синергетической парадигме, утверждающейся в различных видах и направлениях научных исследований). Вышеизложенное позволяет по-новому постичь и оценить с точки зрения современных проблем организации управления в обществе свойственное именно китайскому мировоззрению стремление, и даже искусство выбирать всеобъемлющие точки зрения, особый целостный взгляд на мир, в котором охвачены взаимопротивоположные феномены и взаимоисключающие положения. В этом и содержится дух знаменитой восточной корпоративной культуры, объясняющей достижения как Древнего,

так и современного Востока – дух сознательно выбранного и этически обоснованного компромисса.

Отличительная черта конфуцианства – социальный практицизм. Он проявляется в поразительной монолитности его учения, в отсутствии даже малейшего дуализма теории и практики, знания и поведения, слова и дела. Именно антропология, более того, не рассуждения о «родовой сущности человека», а искусство управления людьми, т.е. своего рода менеджмент - наиболее важная часть философии Конфуция [2]. Древнекитайский мыслитель не стремится к созданию новой онтологии или новаторской модели рефлексивного знания с ярко выраженной эвристикой, в фокусе его внимания - выработка социально ангажированной поведенческой модели как «управление жизнью» в смысле «разумного распоряжения жизнью». Позиция Конфуция поразительно созвучна декларируемым сегодня программам эффективного социального менеджмента в качестве главной задачи государственного регулирования.

Основная причина поразительного долголетия конфуцианства в качестве не только философского учения, но и официальной государственной идеологии коренится в том, что Конфуций создал модель уникальной репрезентативной личности, которая реализуется не только в форме «должного», т.е. общественной морали и социально санкционированного поведения, но прежде всего, на уровне личностного бытия человека. Сила конфуцианства – в возможности и желании каждого человека соотносить себя с постулируемым идеалом, благодаря чему сам социальный идеал становится притягательной, личностно переживаемой и эмоционально значимой формой поведения индивида. Ведь сущность конфуцианской модели заключается в стремлении к «совершенствованию себя и дарованию покоя другим» по принципу взаимности и общительности [3]. Самосовершенствование невозможно без самопознания и полного владения собой, что позволяет постичь подлинный смысл знаменитого выражения самого Конфуция: «сначала был истинный человек, а лишь потом – истинное знание».

В основе конфуцианства лежит простейшая с точки зрения психологической адаптации аналогия «государство – семья», исходящая из важнейшей китайской идеи – идеи Единого и

единства мироздания на всех его уровнях. Данная конструкция обладает наибольшей силой психологической убедительности, т.к. воспринимается не на уровне рационального или социально-административного, т.е. внешнего безличностного мотивирования, а на уровне личностно-осмысленного императива. В качестве основных этических и психофизиологических атрибутов идеальной личности, формирующих образ «благородного мужа», выступают понятия искренности, гуманности, простоты и социальной ответственности. Следовательно, сущность конфуцианской модели составляет особое понимание государства и государственности, основанное на так называемых пяти принципах отношений - у лунь (любовь между отцом и сыновьями, долг справедливости в отношениях между государем и подданными, долг во взаимоотношениях мужа и жены, порядок в отношениях между старшими и младшими и верность и искренность в дружбе), восходящих к временам чжоуских правителей. Таким образом, воспитание человека в социально одобряемом ракурсе есть одновременно обучение его социально и личностно полезным психическим состояниям, значимым и для самого индивида, и для общества в целом. Именно поэтому благородный муж руководствуется основными нравственными принципами: стремлением и умением делать вещи «прямыми и правильными», в этом заключается мудрость; умением быть твердым – мужество; умением быть мягким (гуманность, человечность).

Адаптационная модель поведения получила новый вектор, ориентированный на перспективу, личностную мобильность, осуществляемую зачастую не столь «благодаря», сколько «вопреки» общему направлению социального развития. Волевой компонент становится определяющим в структуре ментально-психической адаптации личности.

Намеченные типажии ментально-психической мотивации поведения оппозиционны по своей сути и рассмотрены именно в качестве «типажеев», т.е. определенных «мыслительных форм». Но ведь «типаж» это всегда конкретность, доведенная до своей абстрактной завершенности и логической чистоты. Вся история многовекового диалога Запада и Востока, индивидуализма и корпоративизма, личностной предприимчивости и социального патернализма, Я и Мы может быть осмыслена как выбор формы той

психической мотивации поведения, которая ангажирована обществом. Хотя, пожалуй, термин «ангажированное поведение» достаточно условен и даже не совсем корректен, ибо модели психического поведения не внедряются административным декларированием. Будучи вписаны в ментальный тип культуры, и обладая поразительной устойчивостью, мотивационно-психологические модели поведения в то же время являются сознательно формируемыми и свободно избираемыми формами самореализации.

Литература:

1. Зенгер, Харро фон. Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать/ Харро фон Зенгер. – М., 2004. – Т.Т. 1-2. – 512 с. – 1024 с.
2. Малявин, В.В. Китай управляемый: Старый добрый менеджмент/ В.В.Малявин. – М., 2005. – 303 с.
3. Малявин, В.В. Конфуций/ В.В.Малявин. – М., 1992. – 335 с. – ЖЗЛ.
4. Переломов, Л.С. Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время (V в. до н.э. – XXI в.)/ Л.С.Переломов. – М., 2009. – 704 с.
5. Семенов, Н.С. Философские традиции Востока / Н.С.Семенов. – Мн., 2004. – 304

Лойко А.И., Канарская В.И. Межкультурная коммуникация в пространстве социальных сетей: правовые гарантии идентичности и безопасности

Просмотр текста и мультимедиа в браузере перестали удовлетворять людей. Их интересует возможность взаимодействовать друг с другом средствами этого сайта. Чем двустороннее взаимодействие, тем лучше: обмениваться сообщениями, комментировать статьи, размещать фотографии и видео, делать сайты.

Термин «социальная сеть» ввел Джеймс Барнс «Классы и собрания в норвежском островном приходе» в 1954 году. Эта социальная структура, математический – граф, состоящая из группы узлов, которыми являются социальные объекты – люди и